

Тан Шэнь тут же поднял голову. Перед ним стояла женщина в расшитом шелковом платье, которая осторожно его разглядывала. На ее запястье поблескивал ярко-зеленый нефритовый браслет, в ушах покачивались серьги из чистейшего императорского жадеита — весь ее облик дышал богатством. Тан Шэнь не сразу понял, кто это, но, заметив стоявшую подле нее служанку, замер и тихо произнес:

— Госпожа Тан?

Госпожа Тан с улыбкой ответила:

— Я твоя старшая тетушка, можешь звать меня просто тетушкой.

Тан Шэнь спросил:

— Старшая тетушка, вы сегодня по делам на улице Суйцзинь?

С тех пор как они прислали два сундука с вещами, обе семьи больше не общались. Тан Шэнь так и не разгадал, с какой целью Госпожа Тан прислала те подарки, поэтому не предпринимал поспешных шагов и не ходил в Поместье Тан, чтобы обсудить раздел имущества. Госпожа Тан тоже до сего дня не объявлялась. И теперь, встретив ее здесь, Тан Шэнь не думал, что она искала именно его. Если бы ей действительно нужно было повидаться, она пришла бы напрямую к ним домой, а не караулила на улице.

Госпожа Тан окинула взглядом худощавую фигуру Тан Шэня и слегка нахмурилась.

Тан Шэню в этом году исполнилось тринадцать, он был еще совсем отроком. Прежде Госпожа Тан никогда его не видела, но по сравнению с сыном-наложком Цзюйжэня Тана того же возраста, Тан Шэнь казался слишком уж щуплым — того и гляди ветром унесет.

Знай Тан Шэнь, о чем она думает, он наверняка посчитал бы себя незаслуженно обиженным. После своего переноса в этот мир он только и делал, что старался получше кормить себя и сестру. Как только в доме завелись лишние деньги, он ни в чем себе не отказывал. Особенно после переезда в управу Гусу, где брат с сестрой жили в сытости и довольстве. Оказавшись в древности, в глухой деревне Чжаоцзя, Тан Шэнь совсем исстрадался от пресной еды, поэтому, добравшись наконец до управы Гусу, решил ни в чем себе не отказывать.

Вот только у других от сытной еды бока округлялись, а он рос исключительно вверх, внезапно начав стремительно вытягиваться.

Даже Тётушка Яо как-то заметила: «А молодой хозяин-то наш как высок! Рано в рост пошел».

Для людей древности, повсеместно страдавших от недоедания, взросление и рост в семнадцать-восемнадцать лет считались нормой, а то и ранним возрастом. А Тан Шэнь начал вытягиваться уже в тринадцать — разве это не слишком рано?

Рост пошел вверх, а вес за ним не поспевал, отчего мальчик и казался таким худощавым.

— Вы каждый день приходите на улицу Суйцзинь ставить палатку с завтраками? — спросила Госпожа Тан.

Тан Хуан впервые видела такую знатную родственницу. Из любопытства она спряталась за спину Тан Шэня и украдкой разглядывала Госпожу Тан. Та не была писаной красавицей, но черты ее лица были правильными, а манеры — мягкими и исполненными достоинства. Сразу

видно, что она выросла в благородной и образованной семье.

— Да, мы каждый день печем блины, — подала голос Тан Хуан. — Брат Яо и Тётушка Яо приходят первыми, а мы с братом, как проснемся, прибегаем помогать.

Госпожа Тан сама видела, какая очередь только что толпилась у их лотка.

— Дела у вас идут неплохо, — заметила она. Больше развивать эту тему она не стала и, вновь посмотрев на Тан Шэня, с улыбкой добавила: — Помню, последний раз я видела тебя лет девять назад. Тогда ты был вот такого роста, — она отмерила рукой высоту от земли. — А теперь уже совсем юноша. Грамоте-то обучался?

Тан Шэнь спокойно ответил:

— Когда отец еще был жив, я учился в деревенской школе.

— В семье Тан есть своя домашняя школа. Твои старшие братья учатся там, а с ними — двоюродные братья и соседские дети. Если захочешь, можешь учиться вместе с ними. Им там ужасно скучно. Пару дней назад они прослышали, что их младший брат перебрался из деревни Чжаоцзя в управу Гусу, и теперь вовсю шумят, требуя, чтобы ты учился вместе с ними. Пойдешь в школу — как раз втроем будете ходить, за компанию.

Служанка опустила глаза, подумав про себя: «Да молодые господа знать не знают, кто такой этот Тан Шэнь».

Тан Шэнь с улыбкой ответил:

— Благодарю за доброту, старшая тетюшка. Когда придет время, я непременно навещу вас в Поместье Тан.

Госпожа Тан, улыбнувшись, кивнула:

— Хорошо, буду ждать тебя дома.

Госпожа Тан вместе со служанкой удалились, а Тан Шэнь задумчиво посмотрел им вслед.

Тан Хуан с облегчением вздохнула:

— Старшая тетюшка такая добрая, говорит так ласково и тихо. А я-то думала, она, как и тот Цзюйжэнь Тан, презирает нас и знаться не пожелает. Брат, тетюшка зовет тебя учиться, ты пойдешь? — Девочка широко раскрыла глаза и с надеждой уставилась на Тан Шэня. — Если пойдешь, то будешь учиться вместе с сыновьями Цзюйжэня Тана. Они ведь тоже хотят, чтобы ты пришел.

— Хотят, чтобы я пришел? — Тан Шэнь едва не рассмеялся.

Тан Хуан недоуменно посмотрела на него.

— Это твоя старшая тетюшка просто проявила вежливость и сказала красивые слова для приличия. Ладно, насчет учебы я сам все решу. Пойдем домой.

Едва вся их четверка вернулась домой, как они увидели человека, который уже давно поджидал их у дверей.

Заметив гостя, Тан Шэнь поспешил к нему навстречу.

Управляющий Лян почтительно поклонился и протянул приглашение:

— Молодой господин Тан, Великий ученый Лян уже вернулся из Цзиньлина. Вот приглашение, он просит вас нанести визит в его поместье. — С этими словами он быстро удалился.

Тан Шэнь раскрыл послание.

Это снова была дорогая тисненная золотом бумага, на которой изящным почерком цзаньхуа-сяокай были выведены четыре поэтические строки. Тан Шэнь прочитал их вслух:

— В погожий день солнце и луна сияют,

Аромат плодов разносится по ветру.

Войду в покои, преисполненный почтения,

С чашей вина — к хризантеме у восточного окна.

Неужели стихотворение-загадка?

Тан Шэнь нахмурился и погрузился в раздумья.

За этими мыслями незаметно наступил полдень.

Тётушка Яо вынесла готовую еду из кухни, и все четверо уселись обедать во дворе. Тан Шэнь держал в левой руке приглашение, а в правой — палочки для еды. Собравшись подцепить кусочек, он взглянул на строчки письма и снова опустил руку. Так повторилось несколько раз, пока Тан Хуан не вмешалась:

— Брат, да на что ты там все смотришь? Поешь сначала.

Тан Шэнь поднял на нее глаза, и его взгляд замер на маленьком желтом цветке в волосах Тан Хуан у самого виска.

Он разглядывал ее так долго, что щеки девочки залил румянец смущения. Она поспешно сорвала цветок с волос:

— Ну не смотри ты так! Я просто увидела, что сейчас все носят цветы в волосах, вот и себе приколола. Ай, всё еще смотришь! Братец, ты вредный!

Любовь к красоте естественна для каждого, но Тан Хуан решила, что брат насмехается над ее кокетством, и не на шутку рассердилась.

Тан Шэнь вдруг спросил:

— Хризантема? Брат Яо, неужели скоро Праздник Двойной Девятки?

Яо Сань кивнул:

— Ну да, через три дня как раз Праздник Двойной Девятки. Молодой хозяин, неужто ты не знал?

Тан Шэнь вечно путался в древнем календаре, а после переезда в управу Гусу с головой ушел в заработки, так что совсем потерял счет дням.

Он с улыбкой процитировал:

— Когда настанет Праздник Двойной Девятки, я вновь вернусь полюбоваться хризантемами.

Три дня спустя, в самый полдень Праздника Двойной Девятки.

Управляющий Лян отворил ворота и впустил Тан Шэня в Поместье Лян. Он с улыбкой проговорил:

— Молодой господин Тан, Великий ученый Лян только что спрашивал о вас, а вы тут как тут.

Миновав двое боковых ворот и пройдя по продуваемой ветром крытой галерее, Тан Шэнь зашел в беседку с изогнутой крышей у пруда с лотосами. Великий ученый Лян сидел спиной к нему, наливая себе чай и созерцая живописный вид на лotosовый пруд. Тан Шэнь подошел ближе и увидел, что лотосы в пруду давно отцвели и завяли, оставив лишь сухие стебли и побуревшие листья. Тем не менее Великий ученый Лян продолжал задумчиво смотреть на воду, словно пил чай, любясь пышным цветением.

Тан Шэнь почтительно поклонился:

— Учитель, ваш покорный слуга прибыл нанести визит.

Он намеренно обратился к нему «Учитель», а не «господин», сразу переводя эту встречу в русло общения младшего со старшим, выражая почтение простого книжника великому ученому Поднебесной, а не простолюдина чиновнику.

Великий ученый Лян мягко улыбнулся и поднял голову. Его глубокий, теплый взгляд задержался на Тан Шэне, после чего остановился на макушке его головы.

Лян Сун произнес:

— Не виделись всего несколько месяцев, а ты заметно подрос. Садись.

Тан Шэнь послушно сел.

Тан Шэнь спросил:

— Учитель, вы любуетесь цветами?

Лян Сун приподнял бровь:

— О? И где же ты видишь в этом саду хоть один цветок?

— Учитель написал: «Войду в покои, преисполненный почтения, с чашей вина — к хризантеме у восточного окна». Разве это не означает, что вы пригласили меня в Праздник Двойной Девятки полюбоваться хризантемами?

Примечание автора:

Таинственный • прекрасный как орхидея • еще не появившийся • кумир всей страны • главный герой-актив по фамилии Ван: Говорят... меня зовут Ван Сыцун?

Малыш Тан: Да-да, а еще говорят, что ты Ван Цзинцзэ, ха-ха-ха!

Глупый автор: Это не он, ничего подобного! Не наговаривайте на него, плак-плак!

— «Войду в покои, преисполненный почтения, с чашей вина — к хризантеме у восточного окна». Значит, я пригласил тебя полюбоваться хризантемами?

Тан Шэнь в ответ спросил:

— Разве нет, Учитель?

Лян Сун пристально посмотрел на Тан Шэня, а мгновение спустя рассмеялся:

— Верно. Юйчжи, принеси свиток «Хризантема у восточного окна», взглянем на него.

Стоявший поодаль молодой человек в бирюзовых одеждах — тот самый, что некогда сопровождал Великого ученый Ляна в деревню Чжаоцзя, — почтительно кивнул и отправился в кабинет. Вскоре он вернулся с живописным свитком. Встав у края пруда с увядшими лотосами, он развел руки в стороны и медленно развернул картину.

На свитке плотной белой рисовой бумаги длиной около пяти чи раскинулся куст тушевой хризантемы. Мазки кисти были легкими и плавными; на каждом цветке виднелись тончайшие переходы туши — прозрачные, словно струящаяся вода, ласкающая почки вербы, и нежные, будто тонкий мох на сером камне. На картине оставалось много свободного пространства, и, помимо самой хризантемы под окном, лишь в верхнем левом углу красовалось короткое стихотворение:

«Она цветет вдали от пестрых клумб,

У ветхого плетня скромна ее краса.

Уж лучше на ветвях погибнуть, аромат храня,

Чем сдаться ледяному северному ветру».

Иероглифы были выведены почерком цзаньхуа-сяокай — необычайно тонкими и легкими штрихами, однако Тан Шэнь невольно засмотрелся. В них угадывался сильный характер: даже несмотря на изящество малого устава, в мазках чувствовалась непреклонная воля и выдающееся мастерство автора.

Тан Шэнь взглянул на подпись автора в углу картины.

<http://bllate.org/book/18292/1754391>